

Проф. И. О. Широких Как создавался молочный скот юга Украины. Українська сільсько-господарська газета № 17. 1923.

В области растениеводства давно уже укоренилось ясное сознание того, что в производстве больших урожаев между природой и человеком имеется ярко выраженное сотрудничество. Французские булки не растут прямо па поле, а нужно, чтобы человек напряженно и планомерно работал над созданием высокоурожайных сортов, отличающихся строго определенными качествами. В отношении животноводства такой ясности взглядов еще нет, потому-что здесь продолжает господствовать другое мировоззрение, может быть, более простое и удобное, но все же недостаточно ясное и определенное. Оно сводится к тому, что хорошая молочная корова не создается, а берется готовой. Раньше такими были коровы, вывезенные из Швейцарии или с побережья Северного моря, а теперь— немки.

Но что же такое „немка“? и почему красные молочные коровы стопной полосы Украины, полосы земельного простора, носят название немок, красной немецкой породы?

По наиболее распространенному мнению, красные молочные коровы называются немками потому, что в свое время немцы-колонисты, когда они пришли и начали заселять Новороссию, привели с собой хороших молочных коров, потомство которых поддерживают в чистоте и до настоящего времени. Это объяснение является распространенным не только в широких массах, но к нему примыкают всецело и многие ученые специалисты. Взгляд этот имел сторонников раньше и в других отраслях, например, в Галиции.

Во второй половине XVIII века колонисты прежде, чем направиться в Новороссию, селились в Восточной Пруссии, в Галиции. В этой стране долгое время красные одномастные молочные коровы носили название колонистского скота или старо-немецкого, словом, может быть, так же, как и у нас, назывались немками. Более того, кажется, так же, как и у нас, немецкими коровами называли там и животных из колоний с насолненным, говорившим не только немецким, но и голландским языком.

Но в 90-х годах прошлого столетия венский проф. Адамец, исследовавший крупный рогатый скот у славянских народов, впервые воспроизвел в своей книге о красном польском скоте мнение ряда специалистов Галиции, отмечавших, что численность приведенного колонистами в Галицию коров была столь ничтожна, что производить от них современных молочных коров большого района—это значит рассказывать басню.

Одни из наших специалистов, писавших о красном ненецком скоте, проф. Л. Л. Браунер, также исходит из мысли, что количество приведенных колонистами коров было небольшое, так что путем разведения в чистоте не могло бы создать имеющиеся теперь обилие этих животных. Поэтому проф. Браунер, ссылаясь на авторитет одного чрезвычайно видного в конце первой половины прошлого века колонистского деятеля Иоганна Кёрниза, становится на почву более сложного представления о происхождении немок. Колонисты привели с собой небольшое количество одномастного красного ост-фрисландского скота и начали в месте своего нового обитания пользоваться ост-фрисландскими быками для облагораживающего скрещивания местных коров, пока, наконец, после 4—7 поколений не получили большое количество животных, близких или тождественных с облагораживающей породой, т. е. красным ост-фрисландским скотом. Это и дало помок, немецких коров, обязанных своим происхождением вводным ост-фрисландским коровам, которых, может быть, и подразумевают под именем старо-немецких.

Этот взгляд был бы неплох, если бы колонисты происходили из восточной Фризии, но, во-

первых, первые колонисты, включая и самого Кёрниза, были менониты голландского происхождения, а последующая волна пришла из Вюртемберга. Самое же важное, что ни те, ни другие при переселении коров с собой привести не могли. Кроме того, перед нами выдвигается и вопрос о том, что же такое был тот скот, облагораживание которого производилось при помощи предлагаемого ост-фрисландского скота.

В этом отношении проф. Браунер высказывается очень резко. На юге Украины до немок могла существовать лишь одна большая группа—серый степной скот; кроме него, никакого местного скота быть не могло. Поэтому и проф. Браунер, и проф. Устьянцев всякую корову, которую нельзя отнести ни к отродью серого степного скота, ни к красным немецким, считают за метиса: например, коровы, по складу чрезвычайно похожие на красных немок, но черной масти, которых в Донецкой губернии даже называют черными немками, рассматриваются, как метисы с голландскими быками и т. п. Единственное исключение из этого, какое допускает проф. Устьянцев, называемый колонистским скотом не только одномастный красный но и белогорый скот, относится к полесскому скоту. Однако и для этих животных принимается, что они не представляют резко обособленного путем наследственности коренного типа короткорогого одномастного скота, а имеют постепенный переход от степного в условиях, ведущих к захудалству.

В настоящей заметке мы не думаем вступать в рассмотрение природы красных молочных коров юга Украины ио существу, а хотим остановиться исключительно на лицах, которые тесно связали свое имя с развитием колонистского хозяйства и животноводства, так как несомненно, что колонии не являлись чем-то вылившимся случайно, а представляют собой плод планомерной, систематической работы крупных личностей, за которыми следовали массы.

Кто же были эти деятели?

Несомненно, что число их было довольно значительно; они были довольно разнообразны по своим талантам и по степени влияния. Было бы невозможно описать их исчерпывающе, ио, может быть, знакомство даже с немногими из них прольет свет на то, что делалось на юге Украины для создания молочного скота, т. е. как раз даст ответ на вопрос, поставленный в заголовке.

В ряду или во главе колонистских деятелей, как это делает и проф. Браунер, по всей справедливости, следует назвать старого Кёрниза. Место не позволяет возобновлять здесь его биографию, напечатанную в ряде книг; отметим только, что это был один из менонитов, который в сотрудничестве с другими— назовем старого Дика и Шмидта—вырабатывал и проводил в жизнь устройство колоний на Молочной, в Хортице и т. д.— устройство, которое в менонитских колониях повторяется еще и до настоящего времени в расположении колоний, расположении комнат в доме, в распространении ремесл и т. д. Кёрниз оставил глубокий след, может быть, и в силу индивидуальных качеств, но, между прочим, и в силу своего положения в так называемом Колонизационном Управлении¹). Воспоминание о нем у колонистов, конечно, у более просвещенной части, осталось несколько легендарное, в роде рассказов из жизни Петра Первого.

Кёрниз был выдающийся администратор и организатор, вел простой образ жизни и часто проезжал по колониям. Если случалось, что его зоркий взгляд замечал молодых людей, празднично одетых на улице, он приглашал их к себе на тачанку, отвозил в Хортицу или другое место, где были устроены учебные мастерские, определял их там в ученье ремеслу и уведомлял родителей о хорошем будущем, какое выпадало на долю их детей.

Наряду с общественной деятельностью, Кёрниз, конечно, с очень большим успехом занимался и устройством своего собственного хозяйства, которое, может быть, было разбросано в различных местах, но то, что стало, так сказать, родовым хозяйством, было на Молочной, в 12-ти верстах от Мелитополя.

Что же известно относительно деятельности старого Кёрниза в области животноводства?

¹ Считаю долгом оговориться, что заметка написана в доме отдыха ученых в Ялте, где умышленно не было под руками никаких справочников, так что все рассказывается по памяти.

Об этом лишь отчасти можно судить по его статье, напечатанной в сборнике Сельско-Хоз. Общества Юга России, кажется, в 1859 году, но более всего можно судить по кратким биографическим сведениям, особенно же по представлениям об общей обстановке.

Обстановка, в которой работал Кёрниз, слагалась из нескольких элементов. Первые колонисты были голландского происхождения, хотя и прибыли не из Голландии, а уже из Восточной Пруссии. Они были менее земледельцами, а, скорее, ремесленниками. В большей степени, чем привязанность к крупному рогатому скоту, у них была и сохраняется поныне страсть к лошадям. Наоборот, работа па волах по была им свойственна и, надо думать, они могли относиться только с презрением к коровам, под которыми нужно было все время содержать теленка, так как иначе они молока не давали.

Когда Кёрниз сделался более или менее крупным землевладельцем и начал вести доходное промышленное хозяйство, па какую отрасль он мог обратить прежде всего внимание? В то время, в первой половине XIX века, знали только две сильно развитые отрасли животноводства, именно, овцеводство и лишь частью коннозаводство. Несомненно, что Кёрниз, как и все колонисты, любил улучшенных лошадей, но, по прямым биографическим сведениям, известно, что нервом его хозяйства, наиболее развитой промышленной отраслью животноводства, которую вел старый Кёрниз да которую проявляла и вся Новороссия и тавричане, было мериновое овцеводство.

Последнее обстоятельство не могло на деятельность Кёрниза по животноводству не накладывать двойного отпечатка: 1) он должен был иметь привычку и вкус к заводским производителям высокого качества, что и подтверждается интересными биографическими данными, касающимися выписки Кёрнизом баранов из Саксонии; 2) между методами заводского искусства он мог приобрести привычку давать особенное предпочтение методу улучшения скрещиванием.

Какое же отношение при подобной постановке дела старый Кёрниз мог иметь к созданию и распространению в колониях красного немецкого скота? Сам он писал, что скот этот создавался путем облагораживания местного при помощи красного ост-фрисландского. Может быть, поэтому-то еще и в настоящее время в глазах выдающихся в области разведения крупного рогатого скота колонистов красные немки являются потомками красных ост-фрисландских коров; в глазах этих деятелей "порода" красного немецкого продолжает оставаться породой красного ост-фрисландского скота. Между тем был ли в действительности столетие тому назад приведен красный ост-фрисландский скот—это является спорным. Достоверно известно только, что колонисты менониты, первая партия, с собой скота совершенно не привезла; привести его могла лишь вторая волна- 1812—24 годов, но и на этот раз скот—„старо-немецкий скот"—мог быть приведен в слишком небольшом количестве, чтобы послужить материалом для облагораживающего скрещивания. Поэтому приобретает особенную важность указание из биографии Кёрниза то обстоятельство, что если баранов для своих стад он выписывал из Саксонии, то крупный рогатый скот получал из Москвы.

Таким образом, если во времена Кёрниза были колонисты, которые прививали местному скоту кровь лучших животных (пусть это будут и ост-фрисландские, что мало вероятно), находившихся у них еще со времен переселения, то Кёрниз искал уже лучшего заводского материала, очевидно, обращаясь за ним в подмосковные помещичьи хозяйства, получившие в то время известность по разведению иностранных пород.

Погоня за лучшими, выдающимися заводскими производителями в роду Кёрнизов, может быть, потому, что уже сын старого Кёрниза ездил за ними за границу, сделалась укоренившейся. Но именно наличие ее более всего и говорит, что легенда о связи красного молочного скота юга Украины с красным ост-фрисландским скотом имеет мало оснований, потому-что никто иной, как Кернизы (но знаю сын или внук родоначальника), как раз и выделились тем, что начали лучший красный молочный скот получать, пользуясь вильстермаршами.

Следует ли смотреть па это, как на типичное явление, или же придавать характер случайности? Ответом может явиться следующее обстоятельство. После того, как было

произведено обследование скотоводства в Екатеринославской губернии, когда на немок начали обращать повышенное внимание, екатеринославское земство все же решилось на крупный шаг, т. е. решило вместо введения в стада с красным скотом вильстер-маршских производителей, покупавшихся в различных местах внутри страны (из Полтавской губ., от Кузьменко в Заячьей Балке около Гришина) от Зиновьева около города Орла и т. д), выписать партию вильстермаршских производителей непосредственно с места их родины и создать рассадник этого скота на земской (теперь народной) ферме около Мариуполя.

Земские работники Екатеринославской губернии настоящего времени рассматривают этот факт, как ошибку, следовательно, как случайное явление, но основная идея, для которой в настоящей статье подбираются факты, сводится к тому, что непрерывная погоня за лучшими иностранными производителями различных пород для улучшения красного молочного скота в колониях была не случайностью, и было бы слишком смело рассматривать ее, как ошибку, потому, что за последние 75 лет, т. е. за время, которое более или менее можно восстановить, основным методом, которым улучшалась масса молочного скота колоний, было не разведение в чистоте, а метизация, точно так же, как это проявлялось и в коневодстве колоний, где „колонки" не разводились в виде сколько-нибудь обособленной закрепленной группы, а путем введения самых разнообразных кровей от орловского рысака до ольденбургской включительно.

Мы говорим, что один из основных родов менонитов—род Кёрниза—улучшал массу молочного скота путем метизации. Тогда возникает вопрос: что же такое представлял собой подвергавшийся метизации местный скот?

Проф. А. А. Браунер в резкой форме говорит, что этим скотом мог быть только серый украинский, потому-что никакого другого местного скота в Новороссии не могло быть. Покойный учитель пишущего настоящие строки, Николай Петрович Чирвинский, обследовавши скотоводство Привислянского края, также заявлял в 1893 году, что в Польше коров сохранившегося коренного типа к концу XIX столетия уже не имелось. Однако, это не помешало тому, что около 1905 года начали возрождаться товарищества и заводы по разведению в чистоте красного польского, а потом стали говорить—бурого польского скота. Точно также и проф. Браунер) в данном случае, кажется, является в большой степени католиком, чем сам папа, потому-что в статье старого Кёрниза говорится об улучшении красным ост-фрисландским скотом не украинского, а просто русского скота. Правда, в семьях менонитов и до настоящего времени все, что не менонитское (может быть, и до людей включительно!), носит деликатное название: русский скот, так что русский скот может охватывать и группу серого украинского скота. Но тогда нужно задуматься над тем, почему для метизации все время предпочитали красных или красно-пестрых производителей и почему красная масть, несмотря на метизацию, является в такой степени доминирующей, как возможно только для носителей коронного типа.

Выше было отмечено, что по существу породы молочный скот юга Украины мы в данный момент не захватываем, поэтому на коренном типе в данный момент не останавливаемся, хотя для нас совершенно бесспорно, что и на Украине, как по всему пространству Европ. России, молочные коровы относятся к коренному типу короткорогого скота (в смысле, придаваемом Дюрстом); преобладание на юге принадлежит одномастному и притом красному, хотя встречаются и одномастные черные; но на ряду с одномастными встречается и белоголовая группа. Коренной тип дает основу, распространенную на широкой территории; колонии ввели лучших молочных коров, потому - что разводили и разводят метисов с различными культурными породами, придавая значение отбору по красной масти.

Деда современных менонитов (они голландского происхождения, поэтому о коровах старого типа внуки говорят, как „о голландках", подобно тому, как колонисты-немцы (швабы) Вюртемберга будут говорить о старо-немецких) хорошую молочную корову представляли так: „темнокрасная, маленькая, с глубокой грудью, на низких ногах, желтые пальцы". Конечно, все это слишком далеко от представления о метисах красного ост-фрисландского с серым украинским.

Возвращаясь к вопросу о метизации, будем держаться на общих соображениях, а постараемся просто воспроизвести то, что выдающиеся скотоводчики - менониты высказывали в непринужденной беседе, полагая, что не будет нескромным назвать и их имена. Один из них—внук или правнук сотрудника Кернза-родоначальника, Николай Яковлевич Дик, человек выдающихся организаторских или хозяйственных качеств и принадлежащий к семье, которая за последние 30 лет играла выдающуюся роль по распространению на Украине симментальской породы. Другой - Петр Петрович Лепп, также крупный талант, правда, в области чуждой животноводству, но относящийся к красному молочному скоту с несомненной любовью. П. П. теперь болезненный человек, живущий не у дел; в истории немок бахмутского района он играл заметную роль тем, что старался достигнуть повышения качества животных местного отродья (конечно, мотивированного, но приходящего в мелких хозяйствах к упадку) путем нового и сознательного введения крови выписных из заграницы красных ост-фрисландов, так как оба названных почтенных деятеля представляют немок, как выродившихся ост-фрисландских коров.

Деятельность Петра Петровича протекла в районе Константиновки, где менониты являются поселенцами сравнительно недавнего времени, т. е. около 80-х годов прошлого столетия. Сюда переселение, конечно, совершалось со скотом из материнских колоний с Молочной, но тем не менее здесь разведение выливалось в свои формы, что, кажется, не мешало деятелям екатеринославского земства немок этого района считать наиболее типичными.

П. П. Лепп подмешал к немкам своего района значительную долю оригинальной ост-фрисландской (одномастные красные) крови, тем не менее в разговоре с Н. Я. Диком, который является ярким сторонником симменталов в чистом виде или в виде метисов, он, т. е. П. П. Лепп, запальчиво отрицал пользу иностранных пород, по крайней мере, для массового улучшения. Потомки ого выписных животных, может быть, в ограниченном районе, но все же играют роль: например, в этом районе сохранился крупный двор крестьянского типа—колония Любомировка Ивана Ивановича Энса с коровами, выдающимися по молочности, но, к сожалению, в духе старых, старых ангельских коров - с пороразвитой легкой головой, мелких, па очень утонченных конечностях. Энс, как прогрессивный хозяин, всегда стремился брать производителей от коров с наиболее высокой молочностью—вильстермаршей, симменталов, последнее время пользуется красными ост-фризами от Леппа. В свою очередь, он продает приплод на племя, но приплод-идет уже, конечно, как красный немецкий скот.

П. П. Лепп смотрит так. Колонист—это в корне крестьянин. Для крестьянина ничего не нужно, кроме немки; для него это самая лучшая корова. Зимой колонист дает коровам корм плохой - солому, мякину, только чтобы протянуть до весны (отелы приходится на декабрь—март, чаще на январь); другая корова такого содержания не выдержит. А немки дают с новотелу по 1—1½ ведра молока и долго но сбавляют удои; лучшие коровы дают 16 - 18 кварт, следовательно 1,6—1,8 ведра. Если от немки крестьянин за неделю может насобирать 8 ф. масла, то что же еще лучшего можно желать для него!

П. П. Лепп, говоря это, наивно забывает, что названные цифры относятся не к кому другому, как к метисным животным. Кажется, более дружеского отношения к немкам встретить уже трудно. Тем не менее и П. П. Лепп как-бы молчаливо допускает, что для более интенсивных условий, т. е. когда возможно лучшее кормление, когда при браковке корова должна также представлять некоторую ценность—по мясности— в этом случае немка в обычном крестьянском виде, возвращающаяся к коренному типу (короткорогому, одномастному красному), не может удовлетворить предъявляемым требованиям, и П. П. Лепп, несмотря на всю свою симпатию к немкам, выходит на путь метизации с вводным ост-фрисландским скотом, довольно крупным,—коровы до 35 пуд. живого веса. Даже и в теперешнее трудное для него время П. П. продолжает сохранять породистую ост-фрисландскую корову. П. П. Лепп для колонистов не хочет ничего, кроме немки. Но пример заразителен. Когда крупные колонисты начинают брать животных более производительных культурных пород, то вся община колонии также перестает довольствоваться производителями без выраженного заводского достоинства.

П. П. Лепп живет теперь в колонии Нью-Йорк. Раньше здесь были в стаде производители-симменталы, были вильстер-марши, а теперь то вильстермарши, то ост-фризы. На вопрос пишущего эти строки, почему же колония не воспитывает и не удерживает для себя „немецких“ быков, председатель сельсовета ответил: „мы предпочитаем вильстермаршей и ост-фризов потому, что они чистые племенные“.

Таким образом, вот что делают лица, являющиеся горячими сторонниками, друзьями немок.

Они целыми десятилетиями (т. е. 30 лет, а, может быть, и больше) поддерживают на своих просторных и душистых пастбищах метисов в качестве хороших пользовательных животных, по быков для создания этих метисов, для поддержания повышенной продуктивности стараются брать только в племенных стадах с более или менее известным заводским достоинством, не считаясь даже особенно с тем, будет ли это порода горного или низменного скота.

Но если так поступают друзья, то какое же отношение со стороны недругов?

В ряду „недругов“ прежде всего необходимо поставить проф. Адамца, который, как упоминалось выше, развенчал колониистскую, старо-немецкую корову, своего рода немку Галиции, и убедил польских хозяев в том, что это просто напросто коренной тип короткорогатого скота, который способен, если его ставить в лучшие условия содержания, даже и без прилития культурной крови давать довольно хорошие результаты в виде различного рода отродий—одномастного красного (или бурого) в большинство местностей Полыни, одномастного черного — в долине реки Нарова, белоспинного—в долине Вислы, а в некоторых местах и белоголового. Исходя из этой основной идеи, началось массовое улучшение крупного рогатого скота в Галиции во 2-й половине 90-х годов прошлого столетия и в Польше после 1905 года.

Более близкий к вам „подруг“ немок, Николай Яковлевич Дик, из семьи неутомимых насадителей (в сотрудничестве с Харитоненко, с Лещинским и друг.) швейцарских пород вообще и особенно симментальской: смотрит на немок так: чем чище порода (имеет в виду помок, как происшедших когда-то от красного ост-фрисландского скота), тем она менее молочна". Следовательно, он держится того же мнения, которого держались и новые поколения Кёрниз, что молочность (у животных местных отродий) может быть повышена (конечно, если содержание соответствует) только введением крови культурных пород. Само собою понятно, что если кормление будет обычное колониистское, т. е. просторное пастбище летом и обилие гуменного корма зимой, то никакая порода не даст в год средний удой более, чем в 175 ведер, т. е. удой метизированного красного скота.

Но Н. Я. Дик не удовлетворяется этим; он преследует еще и другую цель, какую, может быть, именно под влиянием членов семьи Дик, преследовал когда-то и Н. И. Лещинский, т. е. необходимость для доходного животноводства поднятия мясных качеств молочного скота. С этой стороны немка в чистом виде очень многих совершенно не удовлетворяет.

Н. Я. Дик, можно сказать, в одном из центров распространения красного немецкого скота—около Константиновки—имел хозяйство и основал большую молочную ферму. Казалось бы, самым естественным в данном случае было воспользоваться немками, так как многие вывозят их для создания молочных ферм из-других районов, а тут они были под руками. Тем не менее Н. Я. Дик нашел невыгодным остановиться на этом неопределенном отродьи и начал пробовать работать с представителями различных заводских пород, пока, наконец, не остановился твердо на симменталах.

Н. Я. Дик настаивает, что следует различать в симменталах два направления—более мясное и более молочное, полагая, что с молочным направлением симменталов можно делать такие чудеса, каких с немками и вообразить невозможно. В этом отношении между Дик и Кёрниз происходило соревнование. Дики полагают, что чудеса можно делать только при помощи симменталов, а Кёрниз—при помощи вильстермаршей. Н. Я. Дик уверяет, что если взять производителя-симментала, конечно, выдающейся молочной линии и спарить его с коровой серой украинской или с калмыцкой, получится прекрасная или хорошая молочная корова,

более обильно молочная, чем немки, и более подходящая (это одинаково со швицами) для производства масла. И. Я. уверяет, что он имел коров, метисов симментала с украинской, которые прямо „сыпали" молоко. Во время выставки в Екатеринославе между Дик и Керниз завязался спор: кто молочнее—метисы красного скота с вильстермаршами (строго говоря, это и есть одна из групп, которую называют теперь немками) или же метисы украинских с симменталами? Кормить животных можно было, как угодно. В первые учетные сутки вильстермаршский метис (немка) Кёрниза дала 24 кварты молока, а метис Дика 23 ½ кварты; по па вторые сутки метис Дика дал на ½ кварты больше. Таким образом, спор остался нерешенным.

Тем не менее он не менее знаменателен. Он свидетельствует о том, что высокую молочность может дать только избранная заводская линия; при этом условии высокую молочность местным отродьям можно привить при помощи различных заводских пород, в которых имеются выдающиеся по молочности заводские линии.

Можно ли упрекать колонистов, что они были в такой степени развиты в животноводственном отношении, что племенному, заводскому значению придавали больше внимания, чем „чистоте" животных местного отродья, и брали быков не „немецких", а самих различных культурных пород, до симменталов включительно? Под влиянием этого вы встречаете теперь в колониях стада красного молочного скота, где будут коровы половые с высокой постановкой хвоста. В августе месяце, т. о. в период, когда степь засыхает и корма пет, они резко бросаются в глаза не только высокой постановкой хвоста и перестроенным задом, но и сильно впалой поясницей.

Эта сторона дела отмечена на некоторых фотографиях проф. Лискуна в его известной книге о красном немецком скоте. Но в этой же книге имеются еще и фотографии, которые красный молочный скот, вообще красную группу характеризуют еще с одной очень важной стороны. Несколько десятилетий было употреблено на то, чтобы поднимать молочность коров в колониях и вообще где разводится красный „немецкий" скот, но условия кормления продолжали оставаться повсюду довольно первобытными. Получились коровы, способные давать много молока и действительно дающие его, пока сохраняется прекрасное пастбище; но можно себе представить, что делается с коровой, когда это пастбище засыхает. Она, конечно, начинает сдаиваться с тела и это сдаивание принимает такие чудовищные формы, что туловище и голова принимают совершенно шукообразную форму, отраженную, между прочим, как сказано, на фотографиях проф. Лискуна.

Это обстоятельство ставит перед нами несколько основных задач.

Первая из них, нам кажется, сводится к тому же, что было сделано Адамцом относительно красного польского скота—это установление более соответствующего современному состоянию науки представления о происхождении, о коренном типе молочного скота Украины и прекращение, как выражается Адамеп, басни о старо-немецких или вообще о немецких коровах.

Вторая заключается в твердой постановке положения о методах улучшения. Когда коренной тип будет установлен, как склонный к молочности, тогда будет необходимо решиться или на то, чтобы продолжать получать метисов для непосредственного использования в молочных целях, или же начать разводить красный молочный скот и как племенной. Но тогда нельзя будет закрывать глаза па то, что говорит Н. Я. Дик: „чем чище порода (красная немецкая, т. о. чем ближе будет к своему типу, как отродья, будет нести в себе меньше крови культурных пород), том она менее молочна". Следовательно нужно быть готовым, что еще долгое время красный скот будет менее продуктивным, чем животные культурных пород с молочным направлением.

Наконец, третье и, может быть, самое важное —это очень распространенное мнение, что немки более молочны, чем, например, симменталы, разводимые в наших условиях.

Корова не может вырабатывать молоко только из тканей своего тела, а нуждается в корме и, надо не стыдиться более говорить, даже в хорошем корме. П. П. Лепп говорит, что колонист по существу или в массе- это крестьянин и, как всякий крестьянин, кормит плохо.

Удивительно ли, что при плохом кормлении коровы, какие бы они не были, дают мало молока. Преимущество красных, с этой точки зрения, заключается может быть только в том, что они легче, чем крупные коровы швейцарского или вильстермаршского происхождения, переносят чудовищное сдаивание с тела под влиянием плохого кормления.

Поэтому-то вопрос о красном молочном скоте, об его закреплении в породе не может вращаться только в сфере заводской— он непременно должен быть поставлен и в области кормления и кормодобывания.

Ряд выдающихся деятелей, вышедших из среды колонистов, дал нам уроки необходимости высоко ценить племенное значение быков, которых пускали в стадо. Но кто же, кто научит пас надлежащим образом поставить вопросы кормления и кормодобывания, чтобы перестать плохим кормлением портить то, что достигается введением в стада хороших производителей?

Вопросы кормления и кормодобывания вообще у нас являются самым больным местом, но, конечно, с точки зрения создания истинного молочного скота, он должен считаться наиболее неотложным.

Примечание:

Петкау В. Хутор Петра Леппа –Берестовое. <https://chor.square7.ch/vpetk389.pdf>

Петкау В. Хутор Лозовая Николая Дика. <https://chor.square7.ch/vptk180.pdf>